

DOI: 10.15372/HSS20220309

УДК 94(470+571.52)

А.А. САМДАН

**ПОЗИЦИЯ УСИНСКОГО ПОГРАНИЧНОГО НАЧАЛЬНИКА А.Х. ЧАКИРОВА
ПО «УРЯНХАЙСКОМУ ВОПРОСУ» В 1907–1912 гг.**

Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва,
РФ, 667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4

В статье анализируется деятельность усинского пограничного начальника А.Х. Чакирова, которую можно условно разделить на исполнение административных функций русского населения Усинского округа и регулирование русско-тувинских отношений. Утверждается, что пограничный начальник стал инициатором, по крайней мере, переселения старожилов с. Усинского в Туву, которое прежде носило стихийный характер. Он добивался установления русских караулов по хребту Танну-Ола, выделения ему военного гарнизона и расширения штата Усинского пограничного управления. Впервые подробно описан визит М. Хайдыпа – правителя Хемчикского хошуна, в с. Усинское. Освещаются отдельные моменты консультаций и совещаний на разных уровнях по вопросу самоопределения Тувы.

Источниковой базой стали ранее неопубликованные, а также широко не использовавшиеся до сих пор в научной литературе архивные документы (рапорты, доклады, переписка и др.), которые позволили реконструировать основные вехи в деятельности пограничного начальника.

Ключевые слова: пограничный начальник, Тува, Хайдып, русские караулы, консультации, совещания, урянхайский вопрос.

А.А. SAMDAN

**THE POSITION OF THE LAST USINSK BORDER CHIEF A.H. CHAKIROV
ON THE “URYANKHAI ISSUE” IN 1907–1912**

Tuvan Institute for the Humanities and Applied
Social and Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva,
4, Kochetova str., Kyzyl, 667000, Russian Federation

The article analyzes A.H. Chakirov's activity (1907–1912) in the position of Usinsk border chief, who was responsible to administrate the Russian population in the Usinsk district and control Russian-Tuvan relations. The paper objective is to analyze the content and main directions of Russian-Tuvan relations during Staff Captain A.H. Chakirov's tenure of office. The study methodology is based on the historicism principle, which allows seeing historical processes and events in their real development and interrelation. The author has used an integrated approach as well as comparative historical analysis of archival sources that provide an objective analysis and assessment of facts related to the investigation in their entirety. The source basis of the article consists of previously unpublished archival documents (reports, correspondence, etc.), which give an opportunity to rediscover main milestones in the border chief's activities related to Tuva. It is claimed that the border chief initiated the resettlement of Usinsk old-timers to Tuva, and it was a spontaneous process. At the same time, A.H. Chakirov paid low attention to the process of rapprochement in cultural and economic terms. Rather, he was a supporter of forceful pressure, as he sought the establishing Russian guards along the Tannu-Ola ridge, setting a military garrison and expanding the Usinsk border department staff. For the first time in historiography the author described in detail the visit of Khemchik ruler M. Khaidyp to the Usinsk settlement in 1907, some important moments of consultations of Tuvan officials with A.H. Chakirov, as well as the results of the All-Tuvan meeting on Tuva self-determination. A.H. Chakirov did not consider industrial and peasant colonization as a way of peaceful annexation of Tuva to Russia. The situation's escalation forcing the issue of the Tuva expansion led to the development of a military plan to conquer the region. The main thing for him was “a bayonet in front and a yard behind”.

Key words: border chief, Tuva, instructions, Khaidyp, Russian guards, consultations, meetings, Uryankhai issue.

Аяна Анай-ооловна Самдан – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, e-mail: camayana@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7785-7497>.

Аяна А. Samdan – Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva.

ВВЕДЕНИЕ

В 1885 г. по высочайшему повелению был образован Усинский пограничный округ в составе Енисейской губернии. В него вошла «южная часть Минусинского округа, заключающаяся между пограничной с Китаем чертою на протяжении от 20 до 24 пограничного знака, Ойским хребтом и течением реки Контенгира»¹.

Штат Усинского пограничного управления состоял из пограничного начальника, помощника и переводчика монгольского языка. Назначение пограничного начальника и его помощника было двухэтапным: назначал енисейский губернатор, а утверждал генерал-губернатор Восточной Сибири. Переводчик назначался непосредственно пограничным начальником. В распоряжение последнего выделяли 14 казаков с одним урядником.

Для усинского пограничного начальника была разработана инструкция, которую утвердил 24 сентября 1884 г. управляющий МВД России. Согласно ей, ведению пограничного начальника подлежало только русское население, проживавшее на российской территории (ст. 2), но никак не жители, населявшие Урянхайский край. Начальник не должен был вступать ни в какие отношения с тувинскими правителями (ст. 3). Помимо обязанностей непосредственно пограничного комиссара он исполнял функции окружного и горного исправника, крестьянского начальника и торгового комиссара [Дулов, 1956, с. 352].

В 1886 г. была утверждена вторая временная инструкция, которая значительно расширяла его обязанности. Он должен был регулировать торговые споры, реагировать на личные обиды и оскорбления, взыскивать долги с русских и тувинцев, а также принимать участие во взаимной передаче скота в случае перепаса или угона его за границу, выдавать русским поданным торговые свидетельства на русском и китайском языках с переводом на монгольский или татарский язык, что предусматривалась ст. 2 Правил для сухопутной торговли между Россией и Китаем (1881) [Русско-китайские отношения, 1958, с. 61]. С 1900 г. по распоряжению министра внутренних дел пограничный начальник выдавал заграничные билеты русским поданным, отправлявшимся через Туву в Монголию на пребывание в Урянхайской земле, и тувинцам при условии наличия у них разрешения от их начальства (ст. 7, 10).

Пограничный начальник обязан был ежегодно составлять отчет о русской торговле в крае, который предоставлял енисейскому губернатору и в департамент внешней торговли Министерства финансов Рос-

сии (ст. 8). В его компетенцию не входило обсуждение с тувинскими властями пограничного вопроса (ст. 13). Местопребыванием пограничного комиссара было назначено с. Усинское (Верхне-Усинское).

Первым пограничным начальником назначили А.М. Африканова, который известен как автор работ «Русская торговля в Урянхайском крае» и «Урянхайская земля и ее обыватели», опубликованных в «Известиях Восточно-Сибирского отделения ИРГО» [Африканов, 1890а, с. 1–33; 1890б, с. 34–59]. Его заменил коллежский асессор Н.Ф. Талызин, затем В.А. Александрович, статский советник Харченко. А.Х. Чакиров был назначен в 1907 г.

Внешне- и внутривластные аспекты двухсторонних связей рассматривались в литературе весьма активно. Это фундаментальный труд В.И. Дулова «Социально-экономическая история Тувы XIX – начало XX в.» [1956], монографии Ю.Л. Аранчына «Исторический путь тувинского народа к социализму» [1982], Е.А. Белова «Россия и Монголия» [1999], В.Г. Дацышена «Саянский рубеж» [2005], В.Г. Дацышена и Г.А. Ондар «Саянский узел» [2003], Н.М. Моллерова и В.Д. Март-оола «Урянхайский вопрос» [2013] и др.

В работах Ф.С. Мусина анализируется нормативно-правовая база и механизмы ее применения относительно реализации пограничной политики российскими властями, в которых в том числе были прописаны процедуры, права и обязанности в осуществлении деловых отношений с населением приграничья и др. [2015, с. 78–86; 2016, с. 53–62]. Е.В. Почеревиным рассмотрены вопросы финансирования образования, коммуникации и другие из земских бюджетов крупных имперских проектов, связанных с колонизацией Сибири, ее интеграцией в состав империи. Автор подчеркивает, что основным направлением «участия местных бюджетов в процессе колонизационного освоения Сибири стала практика строительства и содержания транспортных магистралей» [2021, с. 156]. В трехтомном издании Кембриджского университета в разделе «Провинциальное и местное самоуправление» также затронут вопрос законодательного сопровождения местного самоуправления Российской империи, которое, по мнению Д. Хартли, было ориентировано на «вестернизацию», т.е. введение в административно-территориальное устройство гильдий западного типа и разделение городского населения на разные категории [Hartley Janet, 2006, p. 449–467].

Представляет интерес статья А.Х. Чакирова – тезки и внука пограничного начальника А.Х. Чакирова. В ней приведены биографические данные А.Х. Чакирова. Он родился 9 декабря 1877 г. в Крыму, по национальности грек. Окончил церковно-приходскую школу и Константиновское реальное учили-

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1886. № 16. 25 февр. Ст. 156.

ше в г. Севастополе, затем выбрал карьеру военного и поступил в Московское военное училище. По окончании его был направлен в 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, дислоцировавшийся в Порт-Артуре. Когда в Китае началось восстание ихэтуаней («боксеров»), А.Х. Чакиров принимал участие в обороне морского порта и во взятии г. Мукдена. Затем перевелся старшим адъютантом окружного штаба в г. Харбин. В феврале 1907 г. после окончания Русско-японской войны был прикомандирован в Иркутский военный округ и затем по болезни переведен на гражданскую службу. В том же году был назначен усинским пограничным начальником. После отставки служил в армии Колчака, затем написал рапорт о принятии его на нестроевую службу в Красную армию, но 16 августа 1920 г. в Москве умер от тифа [Чакиров, 2015].

Задача статьи – с привлечением новых источников реконструировать русско-тувинские взаимоотношения, в том числе особенности функционирования российских административно-судебных структур в рассматриваемый период. Впервые подробно раскрывается роль А.Х. Чакирова в подготовке включения Урянхайского края в зону геополитических интересов России в 1914 г.

«УРЯНХАЙСКИЙ НАЧАЛЬНИК»

В 1907 г. А.Х. Чакиров впервые высказал мысль о мирном заселении Урянхайского края в письме, адресованном в Управление государственными имуществами Енисейской губернии, в котором он ходатайствовал о направлении в с. Усинское 300–400 семейств-переселенцев, подчеркивая, что «крайне желательно»², чтобы старожильческое население, знающее обычаи и язык тувинцев, переселилось в соседнюю страну. Таким образом, он преследовал цель – заселение и в последующем возникновение русских населенных пунктов на территории Тувы. Но уже через несколько лет он же пожаловался енисейскому губернатору, что вследствие беспорядочной внутренней и внешней миграции, когда засельщики «идут и пешие, едут и верхом», «образовалась масса новых займков, а в поселках разселяются, где придется и ... часто в ущерб интересам другого»³. «Священное рыбное озеро, – продолжил он в своем рапорте, – где до 1911 г. никто не имел право рыбачить, а теперь масса русских без всякого разрешения рыбачат и добывают по 100–250 пудов на артель, а также Соляное озеро, где ставятся уже русскими работы»⁴. А.Х. Чакиров не учел, что отсутствие каких-либо русских

переселенческих институтов власти в Туве приведет к неконтролируемому миграционному процессу со всеми вытекающими последствиями.

Неосторожное утверждение пограничного начальника и слухи, распространившиеся среди коренного населения, о том, что край будет принадлежать русским, сыграли свою роль и против засельщиков. Началась беспорядочная вырубка леса «где и когда угодно», обработка земли без разрешения местной власти, что являлось, безусловно, раздражающим фактором в русско-тувинских отношениях.

После изменения геополитической ситуации в Центральной Азии в связи с падением Цинской империи А.Х. Чакиров, руководствуясь девизом «Тува была, есть и будет Российской», предложил воспользоваться «благоприятным временем для России»⁵ и в срочном порядке объявить о включении Тувы в состав России, выставить караулы по хребту Танну-Ола или же разместить в с. Усинское военный малый гарнизон под его распоряжением. Так, в рапорте от 1 ноября 1911 г. иркутскому генерал-губернатору он сообщал о необходимости выставить караулы в Чаа-Холе, Булуке, Усть-Бурене и около монгольских караулов, «введя незначительный гарнизон в район Усинского пограничного округа». Тувинцам следует объявить о том, что, если желают принять российское подданство, то могут остаться и «подчиниться российским законам»⁶, в противном случае могут перекочевать за Танну-Ола.

Другой важной задачей для Чакирова было расширение штата Усинского пограничного управления. Он добивался этого с 1908 г. вплоть до своей отставки. За октябрь–декабрь 1911 г. Чакиров отправил 5 рапортов, за январь 1912 г. – уже 9. В феврале 1911 г. данный вопрос он поднимал на совещании в Иркутске, где получил поддержку иркутского генерал-губернатора Л.М. Князева.

В рапорте от 25 января 1912 г. Чакиров убеждал иркутского генерал-губернатора в том, что объявление Тувы «независимым вольным княжеством» никого не заинтересует – ни Европу, ни Америку и даже не затронет русско-монгольских взаимоотношений. Он опрометчиво, забыв положения инструкции пограничного начальника и взяв на себя функции МИДа, военного ведомства России, утверждал, что тувинцы всю «надежду возлагают только на меня. Советов прочих избегают, а ждут, что скажет Чакиров», просил разрешения захватить край, принять бразды правления в свое ведение и объявить себя «урянхайским начальником»⁷. При этом он считал, что нужно временно оставить самоуправление тувин-

² Национальный архив Республики Тыва (НАРТ). Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 146.

³ Там же. Д. 2. Л. 170, Л. 171.

⁴ Там же. Л. 171.

⁵ Там же. Л. 155, Л. 122.

⁶ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 137.

цев «под нашим контролем и отменив биение, истязание и круговую поруку, ввести наши законы подсудности»⁸. Пограничный начальник самоуверенно полагал, что найдет поддержку не только со стороны «смертных урянхов», но и у тувинского духовенства, чиновников и нойонов. «Подобной симпатией, подобным временем, – писал он в рапорте, – не воспользоваться мне для блага России было бы не только большой ошибкой с моей стороны, но и вполне справедливо запятнал бы свое имя и заслужил бы порицание истории»⁹. При этом Чакиров настойчиво просил дать в его распоряжение 200 конных казаков. Следует отметить, что эти утверждения имели под собой основания.

Еще одним рычагом давления стало обращение в конце 1911 г. амбын-нойона¹⁰ Тувы Комбу-Доржу к русским властям с просьбой выдать 100 тыс. руб. в кредит на 5 лет без процентов с целью погашения податной недоимки¹¹. В связи с этим обращением А.Х. Чакиров направил рапорт на имя Л.М. Князева, где он, придавая данной просьбе огромное значение для России как «в торговом, так и в политическом отношении», предложил не выдавать ссуду напрямую тувинцам, а «потребовав от них все кредиты, долги и обязательства, самим распоряжаться ссудой». Для этого он предлагал правителям Оюннарского, Салчакского, Тоджинского и Бейсе хошунов «приставить по одному русскому агенту, ...который должен ... [взять] бразды правления хошуном в свои руки»¹². Он предложил выдать кредит под 8–10 % годовых, а на проценты содержать русских агентов при хошунных правителях. А.Х. Чакиров считал, что китайскую торговлю нужно запретить, китайские торговцы без ведома русской власти не должны кредитовать тувинцев, а также взыскивать налоги. Тувинцы, по его мнению, без согласия русских властей не должны продавать или закладывать свое движимое и недвижимое имущество.

ВЗАИМНЫЕ ВИЗИТЫ

А.Х. Чакиров подробно рапортовал иркутскому военному генерал-губернатору о посещении М. Хайдыпом с. Усинского. Остановимся подробнее на этом факте, поскольку, во-первых, он ранее не освещался в литературе и, во-вторых, на его примере можно проследить ход событий, приведших к русско-тувинскому конфликту 1908 г. на Хемчике¹³.

В самом начале октября 1907 г. состоялась встреча штабс-капитана А.Х. Чакирова и М. Хайдыпа в с. Усинское. Последнего сопровождали дарга¹⁴ Эрэндондов, соржи¹⁵ Мейрен, Сурен-мейрен¹⁶, Езуту-чалан¹⁷, Шири-Санаа чалан, Ендан-хелин¹⁸, Хелин-дарга и еще 24 мелких чиновника, а также «более ста урянхов, составлявших его конвой»¹⁹. На всем пути следования присутствовал старший выборный на Хемчике Д.М. Боярский. Тувинскую делегацию везде встречали по русскому обычаю с хлебом и солью. А.Х. Чакиров встретил своего гостя весьма помпезно. Улицы села были украшены российскими флагами. Для Хайдыпа была подготовлена отдельная квартира. Во въездах в дома М. Хайдыпа и А.Х. Чакирова «были устроены арки, разукрашенные национальною трехцветной материей»²⁰. Но Хайдып поставил для себя привычную юрту. Переводчиком с тувинского языка стал купец Р.В. Вавилин. 3 октября 1907 г. А.Х. Чакиров принял нойона вместе с его свитой у себя, а затем пограничный начальник и сопровождавшие его священник С.Е. Суховский, врач Я.Н. Высоцкий, акцизный контролер Г.В. Фон-Брюммер и учителя нанесли ответный визит Хайдыпу. Вечером А.Х. Чакиров организовал у себя обед и принял нойона вместе с приближенными, а всю свиту из более 100 чел. отдельно пригласил в здание училища. На следующий день М. Хайдып и А.Х. Чакиров посетили священника С.Е. Суховского, затем посмотрели школу, где пограничный начальник озвучил инициативу открытия русско-тувинской школы на территории Хемчика. Это предложение было воспринято Хайдыпом с большим одобрением. Посетили еще женскую церковно-приходскую школу, аптеку и больницу. Затем уже Р.В. Вавилин дал обед на 150 чел., в конце его он подарил Хайдыпу граммофон с пластинками стоимостью 120 руб., Эрэндондову – подзорную трубу (40 руб.), остальным чиновниками – часы и по одной шкуре рыси. На этом официальная часть закончилась.

На третий день пребывания делегации А.Х. Чакиров, взяв с собой только переводчиков (Шелкунова, Р.В. Вавилина) и старшего выборного Д.М. Боярского, встретился с Хайдыпом в узком кругу, где он говорил об острых вопросах русско-тувинских взаи-

¹⁴ Дарга (монг.) – наместник, голова, начальник, командир, глава, председатель, управляющий.

¹⁵ Соржи (монг. цорж) – следующий за настоятелем высший буддийский сан.

¹⁶ Мейрен (монг. мээрэн), мэйрэн – воинское звание командира соединения.

¹⁷ Чалан (монг. залан), дзалан – командир полка, управляющий хошуном.

¹⁸ Хелин (монг. гэлэн) – буддийский монах, принявший на себя 253 обета.

¹⁹ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 163об.

²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 17.

⁸ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 145.

⁹ Там же. Л. 146.

¹⁰ Амбын-нойон (маньч. амбан) – наместник, вельможа, сановник, губернатор, министра, генерал.

¹¹ НАРТ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 2. Л. 115.

¹² Там же. Л. 98.

¹³ Подробно об этом см.: [Самдан, 2017, с. 27–35].

моотношений. Это, прежде всего, запрет русским на вырубку леса и заготовку сена, а также неуплата долгов тувинцами. Беседа, как признавался А.Х. Чакиров, была непродолжительной, а после, выйдя из юрты, он снял своим фотоаппаратом Хайдыпа со свитой и отдельно Хайдыпа около его юрты.

Вдвоем они присоединились к крестному ходу, направлявшемуся к месту закладки Усинской русско-уряньхайской больницы, которая строилась за счет добровольных пожертвований. После молебна и освящения этого места А.Х. Чакиров и Хайдып заложили в фундамент будущей больницы первый камень. Хайдып пожертвовал на ее строительство 200 царских рублей. Жители села просили будущую больницу назвать «Алексеевской», в честь наследника цесаревича Алексея Николаевича. Об этом событии А.Х. Чакиров информировал телеграммой иркутского генерал-губернатора, а он, в свою очередь, министра внутренних дел Российской империи. Строительство больницы, как писал А.Х. Чакиров, должно было стать «первым памятником дружбы и мира русских и урянхайцев». В ответ министр МВД России П.А. Столыпин информировал Л.М. Князева: «На всеподданнейшем докладе моем о верноподданных чувствах, заявленных жителями Усинского пограничного округа ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР собственноручно начертать соизволил: ИСКРЕННЕ БЛАГОДАРИЮ»²¹.

Возвращались в с. Усинское к волостному старшине Г.Н. Смолину на пароме, переезжая через р. Ус. Здесь Хайдып обратился к Чакирову с просьбой «устроить подобную переправу и через Енисей у Чаа-Холя»²². А.Х. Чакиров согласился построить временный паром. Нойон, в свою очередь, предложил построить русский поселок на Хемчике, где он предполагал обустроить всех русских жителей, переселив их с дальних заимок. Идею А.Х. Чакиров поддержал. Состоялся еще ряд встреч, обедов и церемоний вручения подарков. 6 октября А.Х. Чакиров предложил гостю посетить базар, который был открыт 29 сентября. Его посещение Хайдыпа очень впечатлило, «и потому решил приказать своим уряням приезжать на базар для продажи шкуры и скота и за покупкой русских товаров»²³. В конце состоялся взаимный обмен подарками. 7 октября утром тувинская делегация отбыла домой.

По приезде на Хемчик Хайдып разрешил Д.М. Боярскому, как представителю русского населения, принимать участие в судебных съездах по разбору мелких гражданских и уголовных дел.

А.Х. Чакиров, учитывая заслуги Д.М. Боярского, который «неся безоплатно обязанность старшего, исполнением пограничных, политических, полицейских поручений и требований»²⁴, ходатайствовал перед енисейским губернатором о награждении его серебряной медалью «с надписью за усердие на Станиславской ленте». Одновременно, учитывая честолюбие хемчикского нойона и узнав «от многих русских, как его (Хайдыпа. – А.С.) огорчило пожалование одного Амбын Нойона Российским орденом»²⁵, просил губернатора рассмотреть возможность «пожалования» ордена Станислава 2-й степени и нойону. «Это пожалование, – писал пограничный начальник, – не только склонило бы в нашу пользу Ухери-ду»²⁶, но и подвластных ему урянхов, которые на подобное пожалование смотрят как на переход их начальника в подданство и во власть России»²⁷. Но енисейский губернатор отклонил данное предложение как преждевременное.

По задумке А.Х. Чакирова, ответный визит должен был состояться в апреле 1908 г. Тогда же он планировал «инкогнито объехать всю Туву, встретиться с амбын-нойоном и даже поехать в Улясутай к русскому консулу». По его предварительным расчетам, поездка заняла бы 15 дней, а расходы на 6 чел. составили бы 800 руб., из них на подарки – 350 руб. Заодно он выдвинул предложение – построить на Хемчике дом для заседания смешанного суда – «съездов», а на самом деле иметь «постоянного агента», хотя бы в лице сторожа²⁸.

Л.М. Князев отклонил предложение А.Х. Чакирова, разрешив только летом будущего года ограничиться посещением ставки Хайдыпа, посчитав, что визит должен «иметь своею целью укрепление взаимного доверия и личной дружбы»²⁹. Запретил возбуждать вопросы о границе и постройке русского поселка как не входящие в компетенцию пограничного начальника. Генерал-губернатор распорядился, чтобы в случае настойчивости М. Хайдыпа, переадресовать эти вопросы русскому консулу в Улясуатае и улясутайскому цзянь-цзюню. Л.М. Князев отправил по железной дороге подарки, предназначенные М. Хайдыпу, его семье и чиновникам, а расходы на поездку значительно урезал и выделил только 200 руб.

В сентябре 1910 г. второй раз большая тувинская делегация уже во главе с амбын-нойоном Комбу-Доржу нанесла визит пограничному начальнику. Улицы с. Усинское, как и в 1908 г., были украшены россий-

²¹ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 153, Л. 157

²² Там же. Л. 167.

²³ Об открытии базара А.Х. Чакиров сообщил Комбу-Доржу и Хайдыпу, тем самым приглашая торговать и тувинцев. См.: НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 168.

²⁴ Там же. Л. 179.

²⁵ Там же.

²⁶ Ухерида (маньж. ухер-да) – правитель хошуна.

²⁷ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 179.

²⁸ Там же. Л. 174–175.

²⁹ Там же. Л. 184.

скими флагами, построены две торжественные арки. В состав делегации входили тоджинский нойон, дарга Бээзи-хошуна, «наследники амбын-нойона, нойона Тоджи, высшие чиновники и родственники главы Тувы» [Дацышен, 2006, с. 200]. Для них специально был сооружен «целый город из юрт, заранее поставленных рядом с русским поселком» [Там же, с. 200]. Показали джигитовку казаков, а тувинцы продемонстрировали национальную борьбу с участием 8 участников. Кроме того, устроили скачки, в которых приняли участие и русские, и тувинские наездники. Комбу-Доржу был награжден золотой медалью на Станиславской ленте. Данный визит продолжительностью 10 дней носил официально-дружеский характер. 13 августа 1911 г. переводчик Самойлов ездил в Самагалтай для предварительной подготовки визита пограничного начальника. Дал указание организовать станции в Хадан-Аме (в 50 верстах от Булука) и Шугуй-хурээ (в 90 верстах от Хадана) и «приготовить на каждой станции по 12 лошадей, поставить ... по 3 юрты, а по прибытии на Самагалтай ... приготовить 7 юрт»³⁰. Сама поездка А.Х. Чакирова состоялась осенью.

ЗАМЕТКА «О ПОЛОЖЕНИИ УРЯНХА ЗА ПОСЛЕДНЕЕ ТРЕХЛЕТИЕ – 1909–1911 гг.»

В заметке «О положении урянха», составленной А.Х. Чакировым, проанализировано положение китайской и русской торговли в Туве и предложены меры по улучшению последней. Пограничный начальник, руководствуясь девизом «Штык впереди – аршин позади», аргументировал свое видение того, как, развивая торговлю, можно «мирно» захватить Туву и убедить местное население в «необходимости свергнуть желтое покровительство и искать милости белой»³¹.

А.Х. Чакиров коснулся истории появления русских и китайских торговцев в Туве. Приграничные казаки первыми еще в XVII столетии совершали вылазки в Туву с небольшим количеством товаров. Русские торговцы первыми «поставили свои амбары» по р. Уюк, на левом берегу Большого Енисея, на Булуке и Салдаме. Позже они заселились уже на Хемчике, Чаа-Холе, на правом берегу р. Енисея. А с 1907 г. уже стали строить торговые фактории и целые селения в центральной части Тувы. В 1911 г. в Туве всего насчитывалось 10 русских селений и поселков, 90 заимок³² и торговых факторий. Русские занимались зем-

леделием, скотоводством, коневодством, мараловодством и торговлей.

Русские торговцы получали письменное разрешение на въезд в Туву за 1 руб. 50 коп., приобретали патент, платили таможенную пошлину и промысловый налог. По оценке А.Х. Чакирова, они, «наживая сто и более процентов», никаким образом не заботились «как об увеличении количества сбываемого товара, так и о его качестве». Даже на сумму кредита насчитывались проценты, взыскания обращались в скот, который оценивался «по своему усмотрению». На этой почве возникало много конфликтов между русскими и тувинцами. Отмечались случаи, когда, встретив должника на дороге, отнимали лошадь в счет долга или же отнимали скот уже за оплаченный товар. «...Среди русских торговцев, – писал А.Х. Чакиров, – встречались и встречаются форменные скандалисты и пьяницы, позволяющие себе чинить самосуд и самоуправствовать, торговые книги вести небрежно, не отмечая в таковых возврата урянхами своих долгов и возбуждать вторичных требований по уплате»³³. «В Урянхае найдет себе дело и пропитание, – писал А.Х. Чакиров, – не только скотовод, коневод, мараловод, золотопромышленник, пахарь, но и охотник, рыбак, кустарь, плотник, кузнец, торговец и т.д.»³⁴.

С развитием русской торговли в Туве, которая играла важную стратегическую роль, по мнению А.Х. Чакирова, выиграет «русское дело на границе с Китаем, ибо Россия в лице ... Урянхия приобретает и необходимый буфер меж Россией и Китаем»³⁵. Отсутствие дорог, почты, телеграфа, банка в Туве во многом тормозило развитие русской торговли. А.Х. Чакиров предложил открыть отделение Государственного или же Русско-азиатского банка, которое кредитовало бы тувинцев под залог скота или сырья, а также назначить торгового агента. При наличии их, по мнению пограничного начальника, русская торговля шагнет «гигантским шагом вперед»³⁶ не только в Урянхае, но и в Монголии.

Китайские торговцы проникли в Туву в 1903 г. К 1907 г. уже насчитывалось 14 китайских фирм с отделениями в разных хошунах Тувы. Как утверждал пограничный начальник, первые прибывшие на Хемчик китайцы как будто представлялись с целью свободного проезда в Туву агентами Русско-китайского банка в Улясутае, командированными якобы для открытия отделения банка. Китайцы торговали в кредит под 36 % годовых. Они сначала забирали скот «по личной цене» на сумму процента, а кредит остав-

³⁰ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

³¹ Там же. Д. 2. Л. 101.

³² С. Минцлов во время пребывания в Туве в 1914 г. посетил заимку А.Х. Чакирова, расположенную в верховьях р. Бегреды, где тот сожительствовал со «второй мадам Чакировой» [Минцлов, 2014, с. 159].

³³ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 104, Л. 105.

³⁴ Там же. Л. 109.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. Л. 112.

ляли в качестве долга. Так, за 2 чая или 1 табак тувинец отдавал годовалого бычка, т.е. 3 руб. 50 коп., за кредит на следующий год китаец забирал уже двухлетнего бычка за 10–12 руб. Таким образом, «за товар стоимостью 3 руб. 50 коп., уплатив 36 %, должник платил еще через 2 года 10–12 руб.»³⁷. Система «круговой поруки», введенная китайцами, делала тувинского арата должником за «неимущего урянха, за вора, грабителя, разбойника»³⁸, за них арат отвечал всем своим имуществом. Зачастую из-за несостоятельности должника платежи производили за прошлые годы, «и в таких случаях хошун или сумо делает кредит у частных купцов китайцев или русских и, таким образом, связывают себя с этим купцом»³⁹. При указанном кредитовании хошуна, как считал А.Х. Чакиров, ухер-да, став должником, оказывался зависимым от кредитора. По оценке пограничного начальника, если избавить Туву от китайских долгов, то всего за два года она экономически восстановится. По состоянию на 1911 г. ввоз в Туву китайских и русских товаров выражался в сумме не менее 1 млн руб., тогда как вывоз в Китай и Россию составлял около 3 млн руб.

Усинский пограничный начальник, изучив хозяйство тувинцев, смог составить основные статьи их расходов в бюджете. Так, главное место в их бюджете занимал кирпичный чай, китайский мягкий табак, пропитанный маслом, трубки курительные с каменными мундштуками. Существенные траты приходились на хозяйственную утварь, а на последнем месте была одежда. Тувинцы приобретали также английскую талембу и сулембу⁴⁰ для пошива национальной одежды определенного тона, а из сукна шили дождевые халаты. Более состоятельные из них покупали чесучу и шелк-фанзу. А.Х. Чакиров считал возможным воспользоваться удобным моментом и «двинуть русский аршин вперед». Для этого требовалось на правительственном уровне поддержать русскую торговлю в Туве, которую он рассматривал как богатый природными ресурсами край.

КОНСУЛЬТАЦИИ С А.Х. ЧАКИРОВЫМ И ИТОГИ СОВЕЩАНИЯ

Волна синьхайской революции достигла и периферийных районов империи. Тувинские власти получали от своих агентов информацию о событиях, происходящих в Монголии. Они сразу же прекратили производить платежи китайским торговцам, а последние, наоборот, спешили собрать свои долги.

В Туве по этому поводу начались активные обсуждения на уровне хошунов, амбын-нойона, а также с русскими властями в лице пограничного начальника. Как утверждал А.Х. Чакиров, в середине мая 1911 г., когда он был в Салдаме, к нему подошли оюннарский чалан Санаа, чайзаны⁴¹ Чырандай и Чульдун из Чооду сумона и другие и выразили желание войти в подданство России. Они как будто бы уверяли, что хошуны Салчак, Оюннар и сумоны Байкара, Чооду, Шалык и ван Чооду «уже поклялись» в едином решении по вопросу перехода. Договорились вплоть до того, кто должен ехать в свите амбын-нойона «с челобитной» иркутскому генерал-губернатору и далее в Петербург, наводились справки о стоимости поездки. Здесь вызывает сомнение, что мелкие «низшие» чиновники имели полномочия обсуждать данный вопрос без ведома амбын-нойона, поскольку, по признанию тех же чиновников, амбын-нойон собирался в Улясутай для сдачи подати, и он сам не знал, как действовать, «опасаясь за участь свою и своего народа»⁴². При этом они просили А.Х. Чакирова посетить амбын-нойона, так как последний лично ждал его совета и даже распоряжений, как ему действовать в Улясутае.

В начале января 1912 г. с целью консультации четыре чиновника из Оюннарского и Салчакского хошунов, Байкара и Чооду сумонов посетили (каждый в отдельности) с. Усинское и хотели, по утверждению пограничного начальника, узнать у него «последовало ли объявление о присоединении урянхов в русское подданство»⁴³. Усинский пограничный начальник, явно превышал свои полномочия, заверив тувинских чиновников в том, что в скором времени по хребту Танну-Ола появится русская стража и Тува воссоединится с Россией, а сам он посетит амбын-нойона в середине июня.

В конце января 1912 г. на консультацию к А.Х. Чакирову явились поочередно чангы⁴⁴ алдыр и мейрен Санаа из Оюннарского хошуна. Тогда А.Х. Чакиров смог убедить их в том, что на совещании всех хошунов Тувы якобы было принято постановление, где объявлено о том, что поскольку Монголия отделилась от Китая и провозгласила свою независимость, то тувинцы, следуя ее примеру, также объявляют себя независимыми и при посредстве местной российской власти просят «Великого Цаган-Хана принять нас в свое подданство»⁴⁵. Проект резолюции был подготовлен пограничным начальником.

³⁷ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 102, 103.

³⁸ Там же. Л. 106.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Талемба (далемба, даалымба), сулемба (суулумбу) – хлопчатобумажная ткань.

⁴¹ Чайзан (монг. зайсан) – управитель отока, родовой глава.

⁴² НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

⁴³ Там же. Л. 116.

⁴⁴ Чангы (монг. занги) – дзанги, командир эскадрона, правитель сумона, уртона; начальник, управляющий, заведующий.

⁴⁵ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 148.

Он рапортовал иркутскому генерал-губернатору о том, что данный документ ляжет на стол ургинскому Богдо-гегену и одновременно последует обращение к «ВЕЛИКОМУ РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРЮ», причем Амбан-нойон желает ехать лично со свитой в Петербург»⁴⁶. Для участия в работе совещания А.Х. Чакиров командировал переводчика Самойлова в Самагалтай, а сам намеревался выехать в Булук и там получать информацию от них.

5–6 января 1912 г. тоджинский нойон Тогмид провел хошунное совещание. А перед этим он отправил гонцов в Хазутский и Салчакский хошуны, чтобы узнать настроение и выработать совместное решение. На Хемчике такое совещание состоялось 12 января 1912 г., в начале февраля проводилось совещание на уровне амбын-нойона. Оно продолжалось несколько дней. Обсуждались три основных вопроса: присоединение к Монголии (основные сторонники – правители Тоджинского (Тогмид) и Салчакского (Балчинням) хошунов), объявление независимости и принятие ходатайства о приеме в русское подданство. На совещание не прибыли высшие чиновники подчиненных нойону хошунов, а из Хемчика вовсе никто не принял участие, поскольку этот хошун получил самостоятельное управление уже в начале XX в. Тоджинский нойон Тогмид отправил двух своих чиновников, а сам поехал к усинскому пограничному начальнику, где пробыл с 3 по 7 февраля 1912 г. Тогмид, будучи у А.Х. Чакирова, высказывал желание воспользоваться удобным моментом и отделиться от амбын-нойона, как в свое время сделали хазутский и хемчикской нойоны.

Совещание приняло решение об объявлении Тувы отдельным государством, а амбын-нойона Комбудоржу, «имеющего от Дайцинского Государя чин корпусного командира и павлина перо и от великого русского белого государя одну золотую медаль для ношения на шее и орден святого Станислава второй степени» [История Тувы, 2001, с. 354], избрали главой правления.

Но после совещания правители хошунов, непосредственно не участвовавшие в его работе и не считавшие себя обремененными какими-либо обязательствами, стали действовать по своему усмотрению. Известно, что салчакский и тоджинский нойоны обратились к Джалханзе-хутухте с просьбой принять их в «податное население». Впоследствии к ним присоединились М. Буян-Бадырғы и сам абын-нойон.

Таким образом, все пошло не так, как задумал А.Х. Чакиров. Деятельность пограничного начальника «вследствие ложного понимания своих обязанностей» была направлена к тому, чтобы убедить тувин-

ских правителей перейти в русское подданство. Усинский пограничный начальник, манипулируя разными доводами, ввел в заблуждение тувинских нойонов, убеждая, что российское правительство примет их в свое подданство, а вышестоящие органы информировал о «большом» желании тувинцев вступить в него. Доверившись А.Х. Чакирову, часть урянхайских правителей просила пограничного начальника «повергнуть их ходатайство о присоединении к России к стопам его императорского величества»⁴⁷.

15 февраля 1912 г. по настоянию А.Х. Чакирова, который заблаговременно заверил генерал-губернатора о прощении, мелкие чиновники сумонного уровня Оюннарского, Тоджинского и Салчакского хошунов и представители духовенства Самагалтайского, Кыргыского и Салчакского монастырей подписали письмо о покровительстве и защите «великого русского государства» [История Тувы, 2001, с. 354]. «Просили» также ввести войска и «скорее занять ... по своему усмотрению» населенные пункты тувинцев, а для охраны границ – установить свои пикеты. Амбын-нойон воздержался от подписи в документе.

Прошение было составлено келейно и «не соответствовало желанию всего туземного населения»⁴⁸. Данное обстоятельство наряду с другими факторами объясняет, почему их прошение было оставлено без рассмотрения российскими властями.

А.Х. Чакиров, увлеченный вопросом присоединения Тувы, перестал четко регулировать русско-тувинские отношения. По этому поводу российские купцы написали жалобу енисейскому губернатору. «За два года с лишним – писал граф А.П. Беннигсен, – у иных наших купцов претензий набралось на тысячи рублей. Вообще отсутствие какой бы то ни было судебной и административной власти очень и очень [плохо] оказывается на нашей торговле»⁴⁹. После этой жалобы пограничный начальник в сентябре 1912 г. вместе с мировым судьей 8-го участка А. Барашковым объехал русские поселки и заимки по Малому Енисею и собрал жалобы от населения.

В период активного изгнания китайцев с территории Тувы в их разграблении участвовали и российские подданные. Так, в Эрбеке инородец Иван Огнев принимал участие в совместных с тувинцами грабежах. Тувинцы оставляли китайцам только одного коня для передвижения и часть денег, чтобы дать возможность покинуть территорию Тувы. Так, одному китайцу на Ойн-Шиве оставили коня и 30 руб.⁵⁰ Русские, несмотря на распоряжение А.Х. Чакирова, бра-

⁴⁷ Там же. Л. 1.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 176.

⁵⁰ Там же. Л. 136.

⁴⁶ НАРТ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2. Л. 149.

ли китайские товары на хранение. Так, в Чаа-Холе Пестунов, Маямсин и Фунтиков взяли от китайцев часть их товаров в кредит. Минусинский мещанин Шомесов был задержан на Уюке с возом награбленного китайского товара, который после составления описи был сдан на хранение русским. Остальные китайцы, которые находились на Хемчике, отказались ехать домой через Монголию. М. Буян-Бадыргы, понимая, что их «пребывание в хошуне вредно отзывается во внутренней жизни урянхов»⁵¹, обратился к пограничному начальнику с просьбой отправить казаков для сопровождения китайцев.

7 августа 1912 г. на Хемчик был отправлен из Верхне-Усинска переводчик Вл. Самойлов в сопровождении двух казаков и «горно-полицейского» стражника Соловьева. 11 августа они прибыли на место назначения и на следующий день китайцы 88 чел., представители 5 фирм – «Даши-Тайфу», «Баян-Боова», «Шини-Бату», «Ян-Хан» и «Тумен-Олзей» – в сопровождении 20 провожатых-тувинцев из Хемчикского хошуна выехали из Чаданы в сторону Минусинска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В августе 1912 г. на состоявшемся междуведомственном совещании МИДа и МВД России было решено учредить должность заведующего пограничными делами Урянхайского края. Им стал А.П. Церерин. Для исключения возможных конфликтов отозвали пограничного начальника [Адамов, 2007, с. 26]. А.Х. Чакирову предложили выбрать вакансию крестьянского начальника или исправника, но он отказался и остался в Туве.

Анализ рапортов и докладов пограничного начальника показывает, что он преследовал прежде всего свои личные интересы. Ссылаясь на авторитет и уважение среди тувинского народа, он хотел стать «главным русским начальником» тувинцев. Он широко практиковал визиты как форму ведения неформальных переговоров, поэтому он «дружил» со всеми – как с правителями хошунов, так и с мелкими чиновниками. Но полярные политические настроения среди тувинской элиты и лавирование последних между русскими и китайцами помешали ему стать «урянхайским начальником». Комбу-Доржу, сохранив дружеское отношение с пограничным начальником, де-юре остался во главе «независимой» Тувы, но де-факто, не предприняв никаких действий, поддался всеобщему настроению и написал прошение к хутухте.

А.Х. Чакиров не рассматривал промышленную и крестьянскую колонизацию в качестве основного

способа мирного присоединения Тувы к России. Нагнетание обстановки, стремление форсировать вопрос присоединения Тувы привели к разработке им военного плана завоевания края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адамов Е.А. Урянхайский вопрос при царском и Временном правительствах. Кызыл: КЦО Аныяк, 2007. 71 с.
- Аранчын Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 338 с.
- Африканов А.И. Русская торговля в Урянхайской земле // Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО. 1890а. Т. XXI, № 5. С. 1–33.
- Африканов А.И. Урянхайская земля и ее обитатели // Изв. Вост.-Сиб. отд. ИРГО. 1890б. Т. XXI, № 5. С. 34–59.
- Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Изд-во ИВ РАН, 1999. 237 с.
- Дацышен В.Г. Саянский рубеж. Южная часть Приенисейского края и русско-тувинские отношения в 1616–1911 гг. Томск, 2005. 248 с.
- Дацышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и русско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл, 2003. 284 с.
- Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы XIX – начало XX в. М.: Наука, 1956. 608 с.
- История Тувы / С.И. Вайнштейн, М.Х. Маннай-оол (общ. ред.). Новосибирск: Наука, 2001. Т. I. 367 с.
- Мицлов С. Секретное поручение. Путешествие в Урянхай. Фотоальбом. Дневник поездки в Туву в 1914 году. Абакан: Журналист, 2014. 256 с.
- Моллеров Н.М., Март-оол В.Д. Урянхайский вопрос в политической истории России: возникновение и долговременная актуальность. Абакан: Журналист, 2013. 244 с.
- Мусин Ф.С. Безопасность в пограничном пространстве и правовая регламентация вопросов пограничной политики Российской империи в XIX – начале XX века // Вестн. Тув. гос. ун-та. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 1. С. 78–86.
- Мусин Ф.С. Эволюционный характер пограничной политики Российского государства // Вестн. Тув. гос. ун-та. Сер. Социальные и гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 53–62.
- Почеревин Е.В. Имперские проекты в Сибири: провинциальное измерение // Исторический курьер. 2021. № 5 (19). С. 155–164. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-13.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-5-13.
- Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы / [сост. П.Е. Скачков, В.С. Мясников]. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 139 с.
- Самдан А.А. Русско-тувинский конфликт 1908 г. // Вестн. КИГИ РАН. 2017. № 3. С. 27–35.
- Чакиров А.Х. Александр Чакиров. Усинский пограничный начальник // Новые исследования Тувы. 2015, № 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7796-chakirov.html.
- Hartley Janet. Provincial and Local Government // The Cambridge History of Russia. / ed. by Dominic Lieven. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. P. 449–467.
- Adamov E.A. (2007). The Uryankhai Issue as Viewed by the Tsarist and Russian Provisional Governments. Kyzyl, Anyak, 71 p. (In Russ.)
- Afrikanov A.I. (1890a). Russian trade in the Uryankhai land. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO*. Vol. XXI, no. 5, pp. 1–33. (In Russ.)
- Afrikanov A.I. (1890b). Uryankhai land and its inhabitants. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO*. Vol. XXI, no. 5, pp. 34–59. (In Russ.)

⁵¹ НАРТ. Ф. 12. Оп. 2. Д. 2. Л. 179.

Aranchyn Yu.L. (1982). The Historical Path of the Tuvan People to Socialism. Novosibirsk, Nauka, 338 p. (In Russ.)

Belov E.A. (1999). Russia and Mongolia (1911–1919). Moscow, Izd-vo IV RAN Publ., 237 p. (In Russ.)

Chakirov A.H. (2015). Alexander Chakirov. Usinsk border chief. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 1. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_25/7796-chakirov.html (accessed 01.02.2022). (In Russ.)

Datsyshen V.G. (2005). Sayan Frontier. The Southern Part of the Yenisei Region and Russian-Tuvan Relations in 1616–1911. Tomsk, 248 p. (In Russ.)

Datsyshen V.G., Ondar G.A. (2003). The Sayan Imbroglia: Usinsk – Uryankhai Region and Russia-Tuva Relations in 1911–1921. Kyzyl, 284 p. (In Russ.)

Dulov V.I. (1956). A Socio-Economic History of Tuva: the XIX-th – early XX-th cc. Moscow, Nauka, 607 p. (In Russ.)

Hartley Janet. Provincial and Local Government. The Cambridge History of Russia / ed. by Dominic Lieven. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. Vol. 2: Imperial Russia, 1689–1917. P. 449–467.

Mintslov S. (2014). The Secret Assignment. Travel to Uryankhai. Photo album. Diary of the trip to Tuva in 1914. Abakan, Zhurnalst, 256 p. (In Russ.)

Mollerov N.M., Mart-ool V.D. (2013). The ‘Uryankhai Issue’ in Russia’s Political History: Emergence and Long-Lived Relevance. Kyzyl, Anyyak, 244 p. (In Russ.)

Musin F.S. (2015). Security in the border space and legal regulation of the issues of the border policy of the Russian Empire in the XIX-th – early XX-th centuries. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Sotsial’nye i gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 78–86. (In Russ.)

Musin F.S. (2016). The Evolutionary Nature of the Border Policy of the Russian State. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial’nye i gumanitarnye nauki*. No. 1, pp. 53–62. (In Russ.)

Pocherevin E.V. (2021). Imperial Projects in Siberia: a Provincial Dimension. *Istoricheskiy kur'er* No. 5 (19), pp. 155–164. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-5-13.pdf> (accessed 05.01.2022). (In Russ.)

Samdan A.A. (2017). Russian-Tuvan conflict of 1908. *Vestnik KIGI RAN*. No. 3, pp. 27–35. (In Russ.)

Skachkov P.E., Myasnikov V.S. (Comp.) (1958). Russian-Chinese relations. 1689–1916. Official documents. Moscow, Orient. Lit. Publ, 139 p. (In Russ.)

Vainshtein S.I., Mannai-ool M.Kh. (Eds) (2001). A history of Tuva. Vol. 1, Novosibirsk, Nauka, 367 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2022

Дата рецензирования 27.04.2022

Статья принята к публикации 22.06.2022